

Дмитрий Мухин

Практика проведения сходов крестьянами Вологодской губернии в конце XIX — начале XX в.

Для крестьян Вологодской губернии рубежа XIX–XX вв. сходы различных типов являлись важнейшими институтами принятия решения. Однако отношение к сходам и особенно к участию в них в крестьянской среде было неоднозначным. В центре внимания данной статьи — проблема соотношения существовавшей нормы закона с реальной практикой общественного крестьянского управления. Для освещения этой проблемы целесообразно рассмотреть те аспекты проведения сходов, которые наиболее полно регламентировались законодательством: типы крестьянских сходов, границы их компетенции, условия легитимности.

«Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости», а также последующие постановления Правительствующего Сената создавали единую модель сельского общественного управления как для бывших государственных, так и для бывших частновладельческих крестьян вне зависимости от размеров сельского общества и других местных условий. Причем система сходов, условия их проведения и границы компетенции были прописаны в законе подробно¹. «Общее положение»

Дмитрий Александрович Мухин
Архитектурно-этнографический
музей Вологодской области
(музей «Семеново»),
Вологда
muxin@mail.ru

¹ Согласно 51 ст. «Общего положения», ведению сельского схода подлежат: «1) выборы сельских должностных лиц и назначение выборных на волостной сход; 2) приговоры об удалении из общества вредных и порочных членов его, временное устранение крестьян от участия в сходах не более

предусматривало существование двух типов сходов: сельского и волостного¹. Позднее решения Сената вводили в правовое поле и другие типы сходов.

Селенные сходы (сходы домохозяев одного селения) законодательно были закреплены указом Первого департамента Сената № 3877 от 22 ноября 1883 г. Они должны были собираться только по вопросам принятия в селение нового члена. Постепенно, вплоть до 1901 г., официальная сфера компетенции селенных сходов расширялась, и в нее были включены следующие вопросы: распоряжение мирской землей в случае раздельного владения землей селениями, а не всем сельским обществом, разверстка повинностей, выборы поверенных от селения по различным вопросам, переделы земли, семейные разделы [Практика 1914: 559–561].

Решением Сената № 906 от 4 марта 1897 г. официально закреплялось существование сходов еще одного типа: «Соединенные сельские сходы, как отдельные органы общественного управления, допускаются законом в случаях, когда обсуждению их подлежат вопросы, касающиеся способов исправного выполнения крестьянами лежащих на них повинностей» [Общественные дела 1905: 2].

Особенность правового статуса типов сходов, вводившихся решениями Сената, заключалась в том, что проведение таких

как на три года; 3) увольнение из общества членов его и прием новых; 4) назначение опекунов и попечителей, проверка их действий; 5) разрешение семейных разделов; 6) дела, относящиеся до общинного пользования мирскою землею, как-то: передел земель, накладка и скидка тяглов, окончательный раздел общинных земель на постоянные участки и т.п.; 7) при участковом или подворном (наследственном) пользовании землею распоряжение участками мирской земли, по какому-либо случаю остающимися праздными или не состоящими в подворном пользовании; 8) совещания и ходатайства об общественных нуждах, благоустройстве, призрении и обучении грамоте; 9) принесение, куда следует, жалоб и просьб по делам общества чрез особых выборных; 10) назначение сборов на мирские расходы; 11) раскладка всех лежащих на крестьянах казенных податей, земских и мирских денежных сборов, равно как земских и мирских натуральных повинностей, и порядок ведения счетов по означенным податям и сборам; 12) учет должностных лиц, сельским обществом избранных, и назначение им жалованья или иного за службу вознаграждения; 13) дела по отбыванию рекрутской повинности в той степени, в какой они касаются сельского общества; 14) раскладка оброка и издельной повинности по тяглам, по душам или иным принятым способом — там, где повинности в пользу помещика отбываются за круговую порукою целого общества; 15) принятие мер к предупреждению и взысканию недоимок; 16) назначение ссуд из запасных сельских магазинов и всякого рода вспомоствований; 17) дача доверенностей на хождение по делам общественным и 18) все те случаи, когда по общему закону или по правилам положений о крестьянах требуется согласие или разрешение сельского общества». Причем, согласно примечанию 3 к ст. 51, «сельский сход может совещаться и постановлять приговоры только по предметам, в этой статье исчисленным» [ПСЗ 1863: 148–149].

¹ «Сельский сход составляется из крестьян-домохозяев, принадлежащих к составу сельского общества, и, кроме того, из всех назначенных по выбору сельских должностных лиц» (ст. 47 «Общего положения»). «Волостной сход составляется из сельских и волостных должностных лиц, замещаемых по выбору и исчисленных в ст. 112, и из крестьян, избираемых от каждого селения или поселка, к волости принадлежащего, по одному от каждых десяти дворов, как пользующихся землею за повинности, так и приобретших участки в собственность» (ст. 71 «Общего положения»).

сходов четко не регламентировалось, а указывалась только сфера компетенции. Вопрос об условиях легитимности таких сходов решался либо самой общиной, либо вышестоящим начальством на основании их представлений о сущности схода и характере необходимого представительства. Некоторые типы сходов, например неполные сельские (сходы, в деятельности которых принимали участие представители только части селений, входивших в сельское общество), вообще не были закреплены законодательно, поэтому сам факт их проведения противоречил законодательству.

«Общее положение» содержало две нормы, касавшиеся необходимого на сходе количества домохозяев. Во-первых, «решения сельских сходов признаются законными тогда только, когда на сходах были: сельский староста, или заступающий его место, и не менее половины всех крестьян, имеющих право участвовать в сходах» (ст. 52). Во-вторых, «для решения нижеследующих дел¹ требуется согласие не менее двух третей всех крестьян, имеющих голос на сходе» (ст. 54) [ПСЗ 1863: 149].

Существовавшая структура сходов и практика их проведения значительно отличались от модели, описанной законодательством. Сельские общества формировали свою реальную систему крестьянского общественного управления, причем эти две модели значительно различались. Местные власти могли быть осведомлены о существовавших отклонениях от нормы закона, но в некоторых случаях вынуждены были закрывать глаза или даже поддерживали их (это касалось состава схода, сферы его компетенции и т.д.). Один из таких примеров приводил автор из Никольского уезда, подписавшийся «П.П.»: «Властям [чиновникам по крестьянским делам. — Д.М.], осознавшим всю неправильность такого положения дел [требования рассматривать вопросы о семейном разделе на сельском сходе². — Д.М.], волей-неволей приходилось истолковывать закон в том смысле, что дела о семейном разделе, как и земельные дела, могут быть решаемы селенными сходами; решения же Сената, несогласные с таким толкованием, пришлось игнорировать» [П.П. 1899: 1].

Основными источниками этой работы послужили документы, обнаруженные в Государственном архиве Вологодской области и Великоустюгском центральном архиве. Это прежде

¹ «1) о замене общинного пользования землею участковым или подворным (наследственным); 2) о разделе мирских земель на постоянные наследственные участки; 3) о переделах мирской земли; 4) об установлении мирских добровольных складок и употреблении мирских капиталов; и 5) об удалении порочных крестьян из общества и предоставлении их в распоряжение правительства».

² Собрать сельский сход из-за больших размеров сельского общества было крайне затруднительно, особенно по вопросам, касавшимся только одного селения.

всего около 300 приговоров сходов различных типов; прошения крестьян, связанные с функционированием системы общественного управления (212 прошений из 5 уездов Вологодской губернии); объяснения сельских должностных лиц, данные по требованию вышестоящего начальства (20 дел). Важнейшим источником являются этнографические описания, в частности материалы, собранные корреспондентами Тенишевского бюро в Вологодской губернии в конце XIX в.

Типы крестьянских сходов

В крестьянской среде сформировалось особое представление о том, чем является сход. А.А. Шустиков, описывая мирской передел земли, сходом называл не только процесс обсуждения будущих размеров наделов, заканчивавшийся подписанием приговора, но и хождение крестьян в последующие два дня по полям с целью установления конкретных границ наделов [Шустиков 1889: 2]. Причем вся трехдневная процедура описана как единый сход. Аналогично корреспондент Тенишевского бюро Н.К. Кириллов из Рябовской волости Сольвычегодского уезда, описывая селенный сход по вопросу об исправности огородов, сообщал: «Гурьбой идут сначала по одному полю, потом по другому, пробираясь один за другим межой» [Русские крестьяне 2007 III: 554].

Для крестьян основным признаком схода была не его формальная сторона, а коллективный процесс принятия (или утверждения) некоего властного решения домохозяевами селения или сельского общества. При таком понимании сходы могли длиться до нескольких дней и не иметь одного конкретного места проведения.

Вероятно, система сходов, реально существовавшая в вологодской деревне в конце XIX в., являлась продолжением системы, бытовавшей еще до отмены крепостного права. А.В. Камкин, анализируя крестьянское общественное управление в северной деревне XVIII в., обнаружил сходы пяти типов: межволостной (аналогов конца XIX в. на данный момент не обнаружено), межмирской, мирской (волости или иной административной единицы), неполный мирской и деревенский [Камкин 1990: 7–12]. Эти типы сходов можно рассматривать как прообразы соответственно соединенных, волостных, сельских, неполных сельских и селенных сходов конца XIX в.

Значительная часть функций, которые по «Общему положению» должен был выполнять сельский сход, на практике переходила в ведение селенного схода, т.е. схода домохозяев одного селения. Селенные сходы проводились в любых селениях вне

зависимости от их размеров. Например, по результатам расследования трегубовского волостного старшины (Устюгский уезд) по жалобе на селенный приговор в 1893 г. было выяснено, что «в этой деревне состоит только два домохозяина, утвержденных главами семей с правом голоса на сходе» [ВЦА. Ф. 200. Оп. 1. Д. 2138. Л. 170]. Поэтому и передел земли должны были проводить только эти двое домохозяев. В результате принять какое-либо решение в данном случае оказалось невозможно, поскольку требовалось не менее 2/3 голосов, но Павел Кокшаров отказывался передавать часть земли своему соседу Александру Кокшарову.

Решения и указы Сената, определявшие сферу компетенции, не оказывали серьезного воздействия на практику бытования селенных сходов. Кроме того, локальные различия функций селенных сходов были велики. Так, по сообщениям корреспондента Тенишевского бюро Ф.А. Гудкова из Ново-Никольской волости Грязовецкого уезда, «на селенных сходах решаются следующие вопросы: когда следует исправлять огороды вокруг покосов? Нанять пастуха, а когда нужно, рабочих для общественных работ, <...> отдача в аренду участков общественной земли, рыбных ловов, какие следует иметь пожарные инструменты? Отбывание лежащих на обществе повинностей» [Русские крестьяне 2007 II: 53]. Решением Тотемского уездного съезда в 1901 г. было отменено сразу три селенных приговора из Вахрамеевского общества Двинской волости, которые касались казенных и земских недоимок [ГАВО. Ф. 247. Оп. 1. Д. 408. Л. 2–4]. В центральных уездах функции селенных сходов были значительно шире, и кроме непосредственно местных хозяйственных вопросов, характерных для селенных сходов во всех уездах Вологодской губернии, в ведении селенного схода находились также семейные разделы (Травинское общество Байдаровской волости Никольского уезда) [ВЦА. Ф. 569. Оп. 1. Д. 12. Л. 75] и подворная раскладка податей (Теребаевское общество Байдаровской волости Никольского уезда) [ВЦА. Ф. 569. Оп. 1. Д. 45. Л. 83].

Распределение функций между различными типами сходов осуществлялось непосредственно общиной и зависело от особенностей сельских обществ в конкретной местности. Так, в Устюгском и Никольском уездах, где общества, как правило, были достаточно большими как географически, так и по количеству домохозяев, что серьезно затрудняло сбор сельского схода, большая часть функций передавалась селенному сходу, собрать который было значительно проще. В Грязовецком же уезде, где доминировали небольшие и средние сельские общества, сбор сельского схода не был столь сложной задачей, поэтому там функции селенного схода были уже.

Кроме селенных, сельских и волостных можно выделить еще несколько типов сходов. Во-первых, *неполные мирские (сельские) сходы*. «В центре внимания такого схода была, как правило, не общемирская, а сравнительно узкая проблема, затрагивающая интересы только некоторых деревень “мира”» [Камкин 1990: 10], поэтому и участие в таких сходах принимали только домохозяева заинтересованных в решении вопроса селений. В частности, в Несвойской волости Вологодского уезда был зафиксирован следующий случай: «Учет производился Головину [бывшему сельскому старосте. — Д.М.] крестьянами трех деревень потому, что в остальных деревнях Головин ничего не собирал, а собирали сборщики, то Головин начтенные на него деньги 63 руб. 5 коп. признал за собою и обязался таковые уплатить добровольно» [ГАВО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 410. Л. 6—6 об.].

Аналогичным образом могли собираться и *соединенные сходы*, в которых участвовали представители заинтересованных населенных пунктов из разных сельских обществ. Так, 7 июня 1896 г. в Чучковской волости Тотемского уезда прошел сход, в котором принимали участие домохозяева 26 сел и деревень из трех сельских обществ, поскольку на сходе решались вопросы, связанные с дополнительными наделами, предоставленными в общее владение крестьянам различных обществ [ГАВО. Ф. 685. Оп. 1. Д. 809. Л. 2]. В Новленской волости Вологодского уезда именно соединенные сходы принимали решение об открытии кабака, в который могли ходить и представители соседних обществ [Русские крестьяне 2007 I: 450].

Вопрос об условиях легитимности соединенных сходов решался неоднозначно. В постановлении земского начальника 7-го участка Тотемского уезда относительно приговора соединенного схода в Чучковской волости сообщалось: «В составлении приговора относительно права пользования крестьянами деревни Андреевской дополнительным земельным и лесным наделом должны участвовать все 57 селений в установленном законом количестве домохозяев от каждого селения, а не от 26, как в данном случае» [ГАВО. Ф. 685. Оп. 1. Д. 809. Л. 7 об.—8]. То есть земский начальник в данном случае не признавал легитимности соединенного схода, но для крестьян именно такой вариант проведения был наиболее удобен.

Согласно примечанию 1 к ст. 51 «Общего положения», вопросы, «состоящие в связи с общинным пользованием землей», в случае, если земля не находится в общинном владении, не подлежали рассмотрению сельского схода. Возможно, на основании этой нормы в Устюгском уезде в отдельную категорию были выделены *сходы безземельных крестьян*, но решали они не только вопросы, обозначенные в ст. 51. Согласно приговору

безземельных крестьян бывшего Прилуцко-Николаевского общества Приводинской волости, на сходе выбирали полицейских десятских, что входило в компетенцию сельского схода как представительного органа административной единицы [ВЦА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 466. Л. 48]. Интересно, что в рапорте Шемогодского волостного правления подобный сход назван «сельским сходом безземельных крестьян» [Там же. Л. 147]. Таким образом, в отдельных вопросах безземельные крестьяне в Устюгском уезде приравнивались к административной единице наряду с сельскими обществами.

Еще один тип сходов — *приходские*, проводившиеся в местной приходской церкви и решавшие только вопросы, связанные с церковью и церковным попечением. Официальный статус этих сходов отличался от сходов всех остальных типов. По постановлению Сената № 3557 от 8 ноября 1883 г., «приговоры приходских сходов обязательны только для прихожан, участвовавших в составлении тех приговоров» [Сборник решений 1889: 103]. В отличие от других типов сходов, которые являлись властными институтами в рамках соответствующей административно-территориальной единицы, приходскому сходу отводилась роль только способа достижения договоренности между прихожанами, но не властного института.

Таким образом, можно выделить семь типов сходов по кругу лиц, участвовавших в этих сходах: селенные, неполные сельские, сельские, соединенные, волостные, приходские, а также сходы безземельных крестьян. Сбор того или иного схода зависел от круга лиц, непосредственно заинтересованных в решении выносимых на сход вопросов. Крестьяне сами определяли, сход какого типа необходимо провести для решения определенного круга дел, чтобы в минимальной степени привлекать лиц, не заинтересованных в решении обсуждаемых вопросов. Однако приговоры таких сходов чаще всего обозначались как приговоры сельских сходов, чтобы вызывать меньше вопросов со стороны вышестоящего начальства. Вместе с тем четкой функциональной границы между различными типами сходов не существовало, и в зависимости от локальных особенностей и традиции границы компетенции сходов различного уровня могли значительно варьироваться.

Представление о кворуме

По предусмотренной законом модели в сельском сходе должно было участвовать не менее половины домохозяев, в отдельных случаях для принятия решения было необходимо согласие 2/3 домохозяев. На практике предложенная законом модель сходов претерпела значительные изменения. Прежде всего

норма о необходимости 2/3 голосов для принятия отдельных решений трансформировалась в представление о том, что для законности решений любого схода необходимо участие не менее 2/3 всех домохозяев вне зависимости от круга рассматриваемых вопросов. Так, при описании сельского схода в Григорьевском обществе Сольвычегодского уезда корреспондент Тенишевского бюро Н.К. Кириллов сообщал следующее: «Писарь с ранее бывшими насчитал 110 домохозяев, имеющих право голоса <...>. Между тем в обществе их всего 240, следовательно, чтобы составить приговор, нужно было собраться 160, ибо приговор законен только тогда, когда составлено 2/3 домохозяев» [Русские крестьяне 2007 III: 552]. На описанном сельском сходе речь шла об учреждении в деревнях ночной стражи на случай пожаров и грабежей и сдаче хлеба в хлебозапасный магазин, т.е. обсуждались вопросы, не упомянутые в ст. 54. Согласно «Общему положению», для того чтобы данный сход состоялся, было достаточно присутствия 1/2 всех домохозяев общества — 120 человек. Однако в данном случае местные представления расходились с нормами закона.

Аналогично и в «Своде сведений, подлежащих включению в политический обзор уездов Вологодского, Грязовецкого, Кадниковского и части Тотемского за 1895 год» при описании ситуации, сложившейся в Кузьминском обществе Вологодского уезда, сообщалось, что «старосты выставляют ложную недоимку на крестьян, которых нет на сходе, и тем оправдываются в растрате податей. В учетные приговора записывают для пополнения двух третей крестьян, не бывших на сходе, чтобы приговор был действительным» [ГАВО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 225. Л. 96 об.]. По мнению данных старост, и в сходе, посвященном учету должностных лиц (также не упоминавшемся в ст. 54 «Общего положения»), должна была участвовать не половина, а 2/3 домохозяев, т.е. такое количество подписей должно стоять под приговором для его утверждения земским начальником. Таким образом, в представлении крестьянского начальства норма ст. 54 «Общего положения» трансформировалась, расширив сферу своего применения на все сходы, а не только на решение вопросов, перечисленных в законе.

Однако подобное применение нормы было характерно не для всех сельских обществ Вологодской губернии. В крупных обществах такое представление о кворуме было неприемлемым. Поэтому, например, в Никольском и в значительной части Устюгского уезда закрепились иная трактовка норм «Общего положения». Так, в ответ на жалобу о незаконных действиях кандидата сельского старосты при собрании сельского схода Нестеферовским волостным правлением Устюгского уезда было выяснено следующее:

Домохозяева сошлись в 9 часов вечера, а кандидат старосты Иванов пришел в 10 часов и очень пьян; по переключке оказалось явившихся на сход 195 человек, всех же домохозяев Покровского общества, имеющих право голоса, состоит 470, следовательно на сход явилось менее половины, поэтому сельский писарь и объяснил кандидату старосты, что <...> сход состояться не может, и поэтому староста Иванов и отправился из общественной квартиры поселян для высылки на сход недостающих 40 домохозяев [ВЦА. Ф. 201. Оп. 1. Д. 3669. Л. 70–70 об.].

Для того чтобы данный сход считался состоявшимся, требовалась явка уже не 2/3, а только половины домохозяев. Интересно, что, если учитывать распространенную практику приписок недостающего количества домохозяев, сход вполне мог быть проведен, однако в данном случае недостаточная явка была использована должностным лицом, явно не расположенным проводить назначенный сход.

Представление о том, что в крупных сельских обществах для проведения схода достаточно участия только половины, а не 2/3 всех домохозяев, подтверждают и приговоры сельских сходов Устюгского уезда, например Благовещенского общества Нестеферовской волости за 1895 г. (в 1895 г. в этом обществе было 411 домохозяев) [ВЦА. Ф. 201. Оп. 2. Д. 452. Л. 1–36].

Дата схода	Количество подписей под приговором	% от количества домохозяев
21 января 1895 г.	249	60
20 марта 1895 г.	243	59
22 апреля 1895 г.	232	56
29 июля 1895 г.	209	50
4 октября 1895 г.	293	70
30 декабря 1895 г.	209	50

Из всех сходов, состоявшихся в Благовещенском обществе в 1895 г., согласно приговору, только в одном участвовало более 2/3 домохозяев; этот сход был посвящен уплате податей, т.е. вопросу, не упомянутому в ст. 54 «Общего положения», однако особо важному для самих крестьян. Под всеми остальными приговорами приводятся подписи от 50 до 60 % домохозяев.

Различие в интерпретации норм «Общего положения» о необходимой явке крестьян на сход можно объяснить разницей в масштабах сельских обществ. Если в Вологодском уезде общества были сравнительно небольшими (от 8 до 80 домохозяев), то в Устюгском и особенно в Никольском уездах их размеры были на порядок больше (иногда свыше 1000 домохозяев). Сам процесс сбора и проведения схода в столь крупных обще-

ствах был значительно сложнее, видимо, поэтому здесь закрепились нормы, по которым для легитимности схода достаточно присутствия половины домохозяев.

Несмотря на то что в начальной клаузуле приговора сходы чаще всего называли «полными», в крупных обществах возможность сбора всех домохозяев даже не подразумевалась. Размеры помещений, в которых проводились сходы, были слишком малы, чтобы вместить всех домохозяев. Сельские сходы в зимний период (когда чаще всего и происходили наиболее значимые сходы: по выборам должностных лиц, разверстке податей и т.д.) проводились в избах должностных лиц, общественных квартирах¹ или в домах тех домохозяев, в интересах которых собирался сход. Только в случае, если центр общества совпадал с центром волости, сельский сход мог проводиться в здании волостного правления.

Чтобы хоть в какой-то мере сохранить приемлемые условия проведения схода, крупные сельские общества сами ограничивали количество возможных участников. Для этого могли использоваться разные методы. При применении любого из них главной задачей местного начальства было внешнее соответствие приговора нормам «Общего положения».

Одним из наиболее действенных способов ограничения явки на сход было введение разнообразных систем делегирования голоса кому-либо из односельчан и формирования представительства от селений. Одной из таких мер служило установление очередности домохозяев в посещении сходов. По сообщению корреспондента Тенишевского бюро из Нестеферовской волости Устюжского уезда Н.М. Маталева, «на сельские же сходы должны являться из малой деревни каждый домохозяин, из большой же — по концам деревни по очереди» [Русские крестьяне 2008 IV: 513]. Так ограничивалось общее количество участников схода, но формировалось представительство от всех селений, чтобы интересы селений учитывались при принятии решений.

Другой вариант сокращения количества участников сходов делал акцент не на числе присутствовавших, а на числе подписей под приговором. Существовала практика подписания приговоров не на сходе, а в «частных собраниях». В таких случаях «он, староста, возил приговор подписывать по деревням, вместо того чтобы, как требовалось установленным порядком, тот приговор подписать на сходе непосредственно по составлению такового» (Шонгско-Николаевская волость Никольского

¹ Общественные квартиры — избы, нанятые для осуществления административных функций общества у крестьян, иногда у тех же должностных лиц.

уезда) [ВЦА. Ф. 61. Оп. 1. Д. 424. Л. 1]. В подобных случаях сход фактически не проводился. Аналогично, староста мог после схода собирать подписи «в частных собраниях», если количество участников схода было недостаточным. Например, при проверке приговора Окатовского общества Спасской волости Вологодского уезда о выборе полицейского сотского выяснилось, что «приговор <...> хотя составлен и на сходе, но подписан на сходе только крестьянами д. Лисицына, крестьяне же д. Кудрина подписали таковой у себя в деревне, почему означенный приговор подлежит отмене» [ГАВО. Ф. 245. Оп. 2. Д. 67. Л. 41 об.]. В таких случаях приговор внешне представлялся принятым с соблюдением всех процессуальных норм и, следовательно, утверждался земскими начальниками или чиновниками по крестьянским делам. Нарушения могли открыться, только если принятый приговор противоречил интересам части крестьян и они подавали прошение о его отмене, вслед за чем проводилось расследование обстоятельств подписания.

Распространенной была и прямая подделка подписей под приговором. В соответствии с прошением крестьян Сретенского общества Черново-Николаевской волости, «в приговор записаны крестьяне Трофимовской волости Николай Степанов Жеребцов, Сила Родионов и Гуриноского общества Михаил Герасимов и некоторые, проживающие в Сретенском обществе самовольно без перечисления, Петр Андреев, который 15 лет, поэтому тоже не имеет голоса на сходе, Василий Трифанов, Емельян Лаврентьев Бачериков, Афанасий Ансиферов, Савелий Афиногенов Меркурьев есть крестьяне нашей деревни, первые двое сыновья наши, которые вовсе не были на сходе» [ВЦА. Ф. 63. Оп. 1. Д. 94. Л. 4].

Сама система подписания приговора в крупных обществах была выстроена таким образом, чтобы обеспечить необходимое количество подписей даже в случае недостаточной явки домохозяев. В крупных обществах большая часть крестьян, в том числе и грамотных, участия в подписании приговоров не принимала. Так, «по заведенному порядку, по приговору схода избираются двое или трое рукоприкладчиков из грамотных лиц для переписки явившихся на сход домохозяев, а затем и для подписи за них под приговором» (Страденская волость Устюгского уезда) [ВЦА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 325. Л. 150 об.]. В таком случае сбор сведений о присутствующих производился рукоприкладчиками уже во время схода, когда, особенно если сход происходил в тесном помещении, точно переписать всех присутствовавших не представлялось возможным. Поэтому список участников схода оказывался приблизительным. Записывали в том числе и со слов других участников. Как выяснилось в результате расследования обстоятельств схода Нижне-

Егородского общества Страденской волости Никольского уезда, проходившего 18 января 1895 г., в приговор рукоприкладчиком было вписано 9 домохозяев со слов Осипа Тесаловского, заявившего, что часть из них лично присутствует, а часть передала ему свой голос [ВЦА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 325. Л. 150 об.]. Именно факт наличия этих подложных подписей для Тесаловского послужил основанием для подачи жалобы на решение схода.

Для самих рукоприкладчиков точный список участников также не имел принципиального значения. Корреспондент Тенишевского бюро Николай Кириллов из Сольвычегодского уезда сообщал следующее:

После схода народ расходится, остаются только грамотные для подписи. Подписывают они обыкновенно за всю деревню: «Просьбою крестьян Ивана, Петра, Андрея и Семена Тарасовых, Михаила, Николая и Александра Кокшаровых Петр Кокшаров и за себя руку приложил» и не вдается «ручник» в разбор того, все ли названные лица были на сходе, может быть, их была только половина. Сельское начальство никогда не перекликает явившихся на сход по фамилиям, не отмечает и не явившихся, ровно и волостное правление не интересуется такими подробностями, лишь бы приговор был заподписан [Русские крестьяне 2007 III: 554].

В результате «в случае обвинения должностных лиц в заочных подписях, староста и писарь ссылаются на рукоприкладчиков, т.о. делу о подлоге никогда не дают ходу, и все жалобы крестьян остаются всегда без последствий» (Рябовская волость Сольвычегодского уезда) [Русские крестьяне 2007 III: 554]. По этой причине крестьяне в прошениях крайне редко ссылались на несоответствие количества участников схода и количества подписей под приговором. Так, избранный сборщик податей Захаровского общества Боброво-Захаровской волости Никольского уезда Николай Моклаков жаловался, что на сходе, его избравшем, присутствовало только 200 человек (всего в обществе значилось 503 домохозяина). Сам Моклаков утверждал, что «следует полному сходу быть 375 домохозяев» [ВЦА. Ф. 288. Оп. 1. Д. 525. Л. 2] (т.е. 3/4 домохозяев), однако по данному заявлению даже расследование соответствия явки крестьян и подписей под приговором не проводилось.

За счет отсутствия контроля над подписанием приговора со стороны крестьян и вышестоящего начальства, особенно в условиях низкой грамотности населения, когда неграмотные подписывались не сами, а за них кто-то «руку прилагал», возможность внесения недостающих подписей была практически неограниченной.

Пользуясь отсутствием контроля, сельские должностные лица могли писать приговоры вообще без собрания схода или при отсутствии какого-либо решения на сходе. Разбирательства по таким случаям происходили, только если подобный приговор серьезно ущемлял экономические интересы крестьян. Так, в Едемском обществе Тотемского уезда в 1893 г. по итогам следствия по жалобе на подложный приговор о разрешении винной торговли было выяснено, что из 133 человек, чьи подписи стояли под приговором, «21 человека совсем не было на сходе, а 9 человек хотя и были на сходе, но ушли ранее, чем было принято какое-либо решение о винной лавке; 63 человека <...> показали, что никакого приговора о винной лавке не было решено 1 октября и оставлено до другого схода»; при этом «сын обвиняемого [сельского старосты, составившего приговор. — *Д.М.*] Нестор Григорьев Вячеславов расписался за 23 крестьян деревень Рыкаловской и Наумовской» [ГАВО. Ф. 685. Оп. 1. Д. 230. Л. 27–28].

Велика вероятность наличия подложных подписей практически под всеми приговорами сельских сходов. Основываясь на характере подписания приговоров, практиках ограничения количества участников сходов, а также на делах о незаконных подписаниях приговоров (мног их выявлено 17)¹, можно утверждать, что число подписей под приговором не является надежным свидетельством того, сколько человек (а тем более домохозяев данного общества) участвовало в сходе. Поскольку практика дописывания необходимого числа домохозяев была широко распространена, то подписи можно рассматривать скорее как показатель представления соответствующих должностных лиц о необходимом кворуме, а не реального числа участников.

Если число подписей не отражает количества присутствовавших на сходе, встает вопрос о реальной численности участников сходов. При оценке максимально возможной явки на сход необходимо учитывать, что состав схода не был постоянным на всем его продолжении. Часть участников могла уйти со схода, не дождавшись его завершения, часть приходила, когда некоторые обсуждения уже закончились, однако подписи и тех, и других могли стоять под всеми решениями, принятыми на сходе. Например, в результате дознания по приговору крестьян Едемского общества Вологодского уезда в 1895 г. было выяснено следующее: «А 9 человек [из 133, подписи которых присутствуют под приговором. — *Д.М.*] хотя и были на сходе, но ушли

¹ Такие дела касаются вписывания в приговор неприсутствовавших и ушедших крестьян, подписания приговора крестьянами, не имевшими права участвовать в сходе, подписания приговоров не на сходе.

ранее, чем было принято какое-либо решение о винной лавке» [ГАВО. Ф. 685. Оп. 1. Д. 230. Л. 27 об.]. М.О. Толмачев на основании сведений вологодского губернского земского совещания сообщал, что вместо заявленных в приговоре 400–500 человек на сходе «были только те, которые могли поместиться в тесной соборной избе» [Толмачев 1903: 22–23]. Поскольку размеры изб были различны, то и максимально допустимая явка могла варьироваться.

Отношение крестьян к сходам

Сельский сход был неотъемлемой частью крестьянской жизни, причем значимой. Рассматривая отношение крестьян к сходам, можно выделить две позиции, которые не являлись взаимоисключающими и влияли на поведение на сходе.

Во-первых, сельский сход — это крайне времязатратный сбор, требовавший отрыва от сельскохозяйственных работ. На этом основании А.А. Чарушин сообщал, что «участие в сходе — повинность, особенно не пользующаяся уважением» [Чарушин 1911: 6–7]. Расстояние между населенными пунктами могло составлять десятки верст, а сам сход длиться достаточно долго, поэтому иногда участие в сходе занимало у крестьянина несколько дней. Сход воспринимался как серьезная трата времени, и угроза сельского начальства о сборе еще одного схода в случае непринятия нужного решения была наиболее действенной. Так, корреспондент Тенишевского бюро из Сольвычегодского уезда Николай Кириллов приводит обсуждение вопросов на сельском сходе, в рамках которого один из крестьян заявил: «Если не составим приговора, чиновник опять соберет сход, а кому охота попусту терять время?..» [Русские крестьяне 2007 III: 553]. Именно этот аргумент и стал решающим, после чего предложенный приговор был принят.

В случае если на сходе не решались вопросы, которые могли повлиять на жизнь конкретных семей, крестьяне не видели необходимости в нем участвовать, часто пытались этого избежать или по крайней мере относились к этой обязанности негативно. Например, помощник старшины Шевденицкой волости Оглуздин жаловался на крестьянина Ульяновского: «А. Ульяновский не явился на сход не по моей собственно причине, а обычай его такой, как получает заблаговременное извещение о том, то он уезжает от сходов, и во весь год не бывает ни разу на сельском сходе» [ГАВО. Ф. 676. Оп. 1. Д. 21. Л. 16 об.—17].

Только в ограниченном количестве случаев сельский сход выступал как институт, принимающий какие-либо властные решения. В остальных роль сельского схода сводилась не

к принятию, а к утверждению приговором традиционных решений. Как отметил А.В. Камкин, «десятилетиями были опробованы пути раскладки податей, существовали общепринятые нормы мирского общежития и т.п. <...> В абсолютном большинстве случаев было ясно, как нужно поступить и какой принять приговор» [Камкин 1990: 9]. Сельский сход выступал скорее как институт легитимации решений, чем их принятия. Такой характер деятельности сходов мог значительно понижать интерес к ним со стороны крестьян.

Вместе с тем сход воспринимался крестьянами и как главный институт, регулирующий жизнь общества и поэтому обладающий неограниченной компетенцией. Корреспондент Тенишевского бюро из Устьысольского уезда Виктор Покровский приводит слова одного из крестьян о сельском сходе: «Глас народа, глас Божий» [Русские крестьяне 2008 IV: 444]. Поэтому сход как институт, потенциальная возможность принимать необходимые для крестьян решения воспринимался принципиально по-другому.

Несмотря на нормы «Общего положения», ограничивавшие компетенцию сходов, на сход могли выноситься любые вопросы, важные для общества в данный момент. Так, сельский сход Устьянской волости Кадниковского уезда принял решение о незаконности действий полицейского надзирателя, который не дал крестьянам рассмотреть обнаруженный в поле труп [ГАВО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 4525. Л. 9]; а сход в Грибцовской волости Вологодского уезда настаивал на избрании писарем несовершеннолетнего (что противоречило «Общему положению»), но «человека хорошего и трезвенного поведения» [ГАВО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 4526. Л. 32–32 об.]. В 1891 г. в дереве Фоминской Бирюковской волости Вологодского уезда сход постановил не платить хлебную недоимку, не исполнившие решение должны были выплатить 3 рубля штрафа [Крестьянское движение 1959: 115].

Интересный случай был зафиксирован корреспондентом Тенишевского бюро С.А. Дилакторским в Двинницкой волости Кадниковского уезда. Там один крестьянин «собрал деревню и просил у нее разрешения устроить дом без соблюдения правил строительного и пожарного уставов, селение отнеслось к этой просьбе индифферентно и предложило ему войти в соглашение с тем из своих соседей, проулок к которому не достигает 6 сажень». В результате и был построен дом [Русские крестьяне 2007 II 514]. В данном случае селенный сход дал разрешение на нарушение законов Российской империи.

Сами приговоры в Вологодской губернии всегда оформлялись как единогласное решение всех участников схода. Вопрос

о конкретном числе лиц, поддержавших решение, при подписании приговора был неактуален, поскольку решение схода воспринималось как решение всего общества, даже тех лиц, которые вообще не присутствовали на сходе. Так, при рассмотрении Вологодским окружным судом дела сельского старосты Якова Иванчилова (Режского сельского общества Тотемского уезда), обвиненного в подделке приговора, было выяснено следующее: «Был созван сход, на который, по обыкновению, явились не все домохозяева, собралось не столько, сколько требуется, а значительно меньше, причем крестьяне, как и всегда, отзывались, что на сход явиться затруднительно, и что неявившиеся будут согласны с теми, кто присутствовал на сходе» [ГАВО. Ф. 685. Оп. 1. Д. 392. Л. 5 об.]. В обнаруженных мной приговорах само наличие различных позиций у участников схода не фиксируется, хотя в своих прошениях крестьяне ссылались на то, что далеко не все участники схода были согласны с принятым решением.

Также двояким представляется и отношение к приговорам как к форме закрепления решения схода. Составление приговора не являлось обязательной частью процедуры схода. Значимым для крестьян было принятие решения, для чего достаточно было достижения устной договоренности. Так, в деревне Гагарихе Вожбальской волости Тотемского уезда «произведен раздел земли без установленного на то приговора и без участия местного волостного и сельского начальства» [ГАВО. Ф. 679. Оп. 1. Д. 9. Л. 1 об.]. Для самих крестьян приговор не являлся единственным способом закрепления принимаемой нормы — достигнутая на сходе устная договоренность уже являлась нормой. Устная форма закрепления решений схода соответствовала крестьянским представлениям о способе установления правоотношений в целом. М.М. Громько на материалах из различных районов Российской империи показывает, что и для частноправовых сделок различного характера также было достаточно устной формы закрепления [Громько 2000: 97].

Приговоры могли приниматься и в случаях, когда необходимость в этом отсутствовала. В частности, существовала практика составления приговоров в рамках неформальных селенных сходов. В дальнейшем такой приговор мог храниться у десяцкого деревни. Приговоры как форма закрепления решения в данном случае не были обязательными, поскольку и сами сходы официального статуса не имели. Однако стремление крестьян письменно зафиксировать принятое решение говорит о его особой значимости. В подобных случаях принятие приговора закрепляет не норму (для чего достаточно и устной договоренности), а особый статус этой нормы.

Если сама форма приговора как способ закрепления статуса была важна для крестьян, то его непосредственное содержание значило меньше. Об этом свидетельствует тот факт, что крестьяне не читали приговора при подписании и могли узнавать о его реальном содержании только спустя длительное время. Например, в жалобе крестьянина Миньковской волости Тотемского уезда Михаила Мальцева сообщалось: «Когда приговор был написан, то его вовсе не читали, а подписывали так машинально, так что сейчас еще не знают многие, к чему подписывались» [ГАВО. Ф. 678. Оп. 1. Д. 157. Л. 1].

О подобном отношении говорит и ряд прошений об удалении от должностей. Например, 12 января 1897 г. крестьянин Никольского уезда Петр Аксенов подал следующее прошение: «В ноябре месяце 1896 года на сельском сходе был назначен на год в полицейские сотские крестьянин деревни Филина Федор Терентьев, а меня сход от выбора освободил; между тем я ныне узнал, что я избран, то есть записан в приговор» [ВЦА. Ф. 63. Оп. 1. Д. 722. Л. 19]. Таким образом, даже участвовавший в сходе Петр Аксенов о своем назначении узнал только через два месяца после схода, когда получил требование от вышестоящего начальства приступить к исполнению обязанностей.

Иное отношение к приговорам было у сельских должностных лиц. Ситуация с массовыми дописываниями, особенно с включением лиц, не имевших права участвовать в сходе по возрасту или месту жительства, показывает, что основным адресатом многих приговоров являлось не сельское общество, а те, кому именной список подписавшихся ничего не говорил, — вышестоящее начальство.

Для сельских старост и писарей приговоры были одним из основных типов отчетных документов, на основании которых вышестоящее начальство оценивало их работу. Поэтому сельские должностные лица старались предоставлять приговоры в срок, указанный земским начальником или чиновником по крестьянским делам, порой даже в том случае, если провести сход не удалось. Так, в приговоре Вологодского окружного суда по делу сельского писаря Ряжского общества Куракинской волости Тотемского уезда говорилось: «Подсудимый Ивоничев признал, что вышеупомянутый приговор составлен им ввиду приказа земского начальника, распорядившегося, чтобы к известному времени были произведены учеты всем сборщикам податей, <...> сход не состоялся, так как явилось только 15–20 человек [из 450 домохозяев. — *Д.М.*], и никакого учета сборщику Ксенофонту Игнашеву в то время произведено не было». Однако под данным приговором не только стояло 320 подписей, но и была «приложена за неграмотного уже

умершего старосту Восторова его должностная печать» [ГАВО. Ф. 685. Оп. 1. Д. 392. Л. 5 об.—6].

В случаях, когда были засвидетельствованы неправильные приговоры (например, с неверным числом подписей), или при промедлениях, несмотря на требования начальства (вне зависимости от причин неявки крестьян на сход), сельские должностные лица подвергались санкциям (штрафам и арестам). Поэтому для сельских должностных лиц целью часто становилось соответствие формы и содержания приговора требованиям начальства. В то время как крестьянам сход и приговор нередко представлялись формальностью.

Отдельные приговоры, составленные по прямому предписанию начальства, для самого сельского общества могли не играть никакой роли, но были формально необходимы сельским должностным лицам. Так, по требованию вологодского губернатора в 1890 г. по всей губернии на сходах были приняты следующие приговоры:

Постановили: 1) Никому из нас и нашего общества не допускать себе с нынешнего времени впредь напиваться допьяна спиртных напитков, вести каждому члену нашего общества трезво и воздержано, если же кто-либо, несмотря на это воспреещение, позволит себе напиться хотя в какое бы то время ни было, того наказать по ст. 62 и 102 Общ. Полож. за каждый случай выпития водки, для учета таких людей представляем сельскому старосте вести именные списки. <...> 3) воспретить собрание вечеров или посиделок, а также игрищ по праздникам совместно девиц с парнями <...> За каждый такой неблагопристойный случай подвергать родителей или самих молодых людей штрафу по 1 руб. или аресту [ВЦА. Ф. 201. Оп. 2. Д. 412. Л. 17—17 об.].

Такой приговор имел характер отчета сельских должностных лиц о выполненном поручении, не оказывая никакого влияния на повседневную жизнь сельского общества.

Модель крестьянского общественного управления, закрепленная «Общим положением» и другими правовыми актами, оказалась нефункциональной для северной деревни. Положение крестьянского общественного управления может быть описано при помощи концепции Джеймса Скотта: «Разработанный и спланированный социальный порядок схематичен — он всегда игнорирует существенные черты любой реальности». Поэтому, чтобы схема могла работать, она должна подстраиваться под существующие локальные нормы, т.е. «формальная схема паразитировала на неформальных процессах, создавать или поддерживать которые она не могла. Подавление этих неформальных схем означало провал» [Скотт 2010: 23].

На практике модель сходов, зафиксированная «Общим положением», применялась в сильно измененном виде: расширялось количество типов проводимых сходов, их компетенция, существовали различные представления, касавшиеся требуемого состава участников. Эти характеристики определялись локальными условиями и традицией и сильно варьировались в различных частях Вологодской губернии. Но поскольку приговоры сходов передавались на утверждение вышестоящему начальству, то внешне они должны были соответствовать нормам «Общего положения». Практически все приговоры сходов содержали подложные подписи, а иногда бóльшая часть подписей оказывалась поддельной. Список подписавшихся был малозначим для самих крестьян. Количество подписей служит скорее показателем представлений сельских должностных лиц о том, какова должна быть явка на сход, а не говорит о реальном присутствии крестьян. У самих крестьян было двойственное отношение к сходам. Система сходов одновременно являлась и основным властным институтом с неограниченной компетенцией, и времязатратным институтом, направленным преимущественно на легитимацию традиционных решений.

Список сокращений

ВЦА — Великоустюгский центральный архив

ГАВО — Государственный архив Вологодской области

ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи

Архивные материалы

ВЦА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 325. По наблюдению за должностными лицами. 1895 г.

ВЦА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 466. О выборах полицейских десятских и сотских. 1900 г.

ВЦА. Ф. 61. Оп. 1. Д. 424. По сообщению Никольского съезда по крестьянским делам о сделаньи распоряжения об окончательном удалении от должности Емельяновского сельского старосты Шонгско-Николаевской волости крестьянина Кокшарова за беспорядки и неисправности отправления службы. 1895 г.

ВЦА. Ф. 63. Оп. 1. Д. 94. По отношению г-ну Председателю Съезда по крестьянским делам Черново-Николаевской волости Трифона Бачерикова о подложном составлении приговора бывшим сельским старостой Мусиновым и писарем Плюсниним. 1886 г.

ВЦА. Ф. 63. Оп. 1. Д. 722. По наблюдению за должностными лицами. 1897 г.

ВЦА. Ф. 200. Оп. 1. Д. 2138. Дело о выборах, определении и увольнении со службы волостных и сельских должностных лиц. 1893 г.

ВЦА. Ф. 201. Оп. 1. Д. 3669. Дело о выборах, определении и увольнении со службы волостных и сельских должностных лиц и наложении на них взысканий. 1894 г.

- ВЦА. Ф. 201. Оп. 2. Д. 412. Книга на записку приговоров сельского схода на 1890 год Благовещенского сельского общества. 1891 г.
- ВЦА. Ф. 201. Оп. 2. Д. 452. Книга на записку приговоров административного общественного схода Благовещенского сельского общества на 1895 год. 1896 г.
- ВЦА. Ф. 288. Оп. 1. Д. 525. По прошению крестьянина Боброво-Захаровской волости Маклакова об удалении от должности сборщика податей. 1895 г.
- ВЦА. Ф. 569. Оп. 1. Д. 12. Наряд об избрании, утверждении и увольнении волостных и сельских должностных лиц. 1900 г.
- ВЦА. Ф. 569. Оп. 1. Д. 45. Об избрании, назначении должностных лиц волостного и сельского управления и о надзоре за ними. 1901 г.
- ГАВО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 4525. Дело о привлечении к ответственности крестьян Долганова, Смолкина, Волохова, Бараева и других с. Устья Устьянской волости Кадниковского уезда за присутствие на сельском сходе в нетрезвом виде и за подписание приговора о незаконных действиях полиции. 1908 г.
- ГАВО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 4526. Дело о привлечении к ответственности грибашинского волостного писаря Лобанова, крестьян Макара и Николая Быковых, Андрея, Николая и Лаврентия Осташевых Грибановской волости Устюжского уезда за самовольный сбор сельского схода. 1908 г.
- ГАВО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 410. О начете на бывшего сельского старосту Гончаровского общества Несвойской волости Александра Голвина 63 руб. 5 коп. 1893 г.
- ГАВО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 225. Свод сведений, подлежащих включению в политический обзор уездов Вологодского, Грязовецкого, Кадниковского и части Тотемского за 1895 год. 1895 г.
- ГАВО. Ф. 245. Оп. 2. Д. 67. Журналы Вологодского уездного съезда. 1895 г.
- ГАВО. Ф. 247. Оп. 1. Д. 408. О вопросах, рассматриваемых на сельских сходах по Двиницкой волости. 1901 г.
- ГАВО. Ф. 676. Оп. 1. Д. 21. О жалобе крестьянина Шевденицкой волости Алексея Ульяновского на помощника старшины Оглуздина в убеждении крестьян составить приговор об отказе ему в иске денег. 1891 г.
- ГАВО. Ф. 678. Оп. 1. Д. 157. По жалобе крестьянина д. Горки Миньковской волости Михаила Мальцева о неправильном составлении приговора сельским сходом по разрешению порубки леса крестьянину Гаврилу Бабикову. 1896 г.
- ГАВО. Ф. 679. Оп. 1. Д. 9. По жалобе крестьян Тотемского уезда, Вожбальской волости, д. Гагарихи Александра Иванова Котова и других в количестве 6 человек на приговор крестьян д. Гагарихи о разделе земли. 1893 г.
- ГАВО. Ф. 685. Оп. 1. Д. 230. Об отмене приговора крестьян Едемского общества об окончательном удалении от должности сельского старосты Григория Вячеславова. 1895 г.

- ГАВО. Ф. 685. Оп. 1. Д. 392. О сельском старосте Якове Евдокимове Ивоничиве, обвиняемом в преступлениях по должности. 1895 г.
- ГАВО. Ф. 685. Оп. 1. Д. 809. Об отмене приговора крестьян Чучковской волости о предоставлении крестьянам д. Андреевской права пользования дополнительными лесными и земельными наделами наравне с другими селениями. 1899 г.

Библиография

- Громько М.М.* Отношение к богатству и предприимчивости русских крестьян XIX в. в свете традиционных религиозно-нравственных представлений и социальной практики // Этнографическое обозрение. 2000. № 3. С. 86–99.
- Камкин А.В.* Общественная жизнь северной деревни XVIII века (пути и формы крестьянского общественного служения). Вологда: Русь, 1990.
- Крестьянское движение в России в 1890–1900 гг.: Сб. док-тов / Под ред. А.В. Шапкарина. М.: Соцэкгиз, 1959.
- Общественные дела сельских, селенных и волостных сходов / Сост. А.К. Боровский. М.: Кн-во В.Ф. Бусыгина, б. Сорова, 1905.
- П.П.* Семейные разделы крестьян (письмо из Никольского уезда Вологодской губернии) // Северный край. 1899. 19 июня. № 187.
- ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 36. Отд. 1. 1861. СПб.: Тип. 2 отд-ния Собств. е.и.в. канцелярии, 1863.
- Практика Правительств. Сената по крестьянским делам / Сост. И.М. Тютрюмов. СПб.: Юрид. кн. маг. И.И. Зубкова п/ф «Законоведение», 1914.
- Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. СПб.: Деловая типография, 2007. Т. 5: Вологодская губерния. Ч. 1: Вельский и Вологодский уезды; Ч. 2: Грязовецкий и Кадниковский уезды; Ч. 3: Никольский и Сольвычегодский уезды; СПб.: Деловая типография, 2008. Ч. 4: Тотемский, Устьсыольский, Устюжский и Яренгский уезды.
- Сборник решений Правительствующего Сената по крестьянским делам / Изд. обер-прокурором 2 деп. Правительствующего Сената И.Л. Горемыкиным. СПб.: Б.и., 1889.
- Скотт Дж.* Благими намереньями государства: Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни. М.: Университетская книга, 2010.
- Толмачев М.О.* Крестьянский вопрос по взглядам земства и местных людей. М.: Тип. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1903.
- Чарушин А.А.* Крестьянские сходы в бытовом их освещении. Архангельск: Губернская тип., 1911.
- Шустиков А.А.* На мирском переделе земли (очерки из северно-русской жизни) // Северный край. 1889. 5 (17) янв. № 32.